

— Вчера нам все-таки не удалось заполучить ответ.

Завтрак подавали по системе шведского стола, как и в большинстве отелей Альянса. Еда была вкусной, что соответствовало хвастовству поваров. Стоя прямо перед гостями, они приготовили гору картошки под плавленым сыром.

Лена преподнесла к губам последний кусочек и заговорила. Тонко нарезанный картофель сделан из заменителя крахмала, но сыр был настоящим и восхитительно вкусным. Она удовлетворенно кивнула после того, как увидела на тарелке напротив нее то же самое блюдо.

— Мы догадывались, что это может быть западня Легиона с целью заманить элитные войска Объединенного королевства и Союза... Тебя и Вика, если быть точнее. И если так, жертвы в последней операции Объединенного королевства...

— По крайней мере, тот голос, что я услышал от машины, похож на ее архивные записи, — прервал Шин с противоположного места. — Думаю, еще рано делать выводы.

Перед Шином лежало два сырных омлета и яичница-болтунья. Слюнки текли только при виде этих блюд, но пока он решался сделать выбор, к нему подошел повар — тот признал в Шине растущего мальчика и наградил его щедрой добавкой.

Они находились в месте, используемом как центр отдыха военных Альянса, где каждый офицер был по-своему прожорлив. Поэтому они с радостью принялись кормить группу юных солдат. Так сказать, чтобы полностью удовлетворить одинаковые аппетиты юношей и девушек.

Повара нарадоваться не могли после того, как детишки слопали все без остатка в предыдущий день. Они рекомендовали некоторые виды хлеба, подавали дополнительные порции горячего супа и постоянно занимались наполнением подносов.

— Кроме того, отсутствие от нее ответа вчера вполне закономерно... Я попробовал наладить контакт с ней с выключенным микрофоном.

†

В допросе они решили попробовать что-то новое.

— Поляризацию света оставим неизменной... — сказал Вик. — Ноузен, поговори с ней без микрофона.

Шин стоял в тускло освещенной камере для допросов — он нахмурился на инструкции Вика. Ему показалось странным то, что он сказал это без всяких объяснений. По другую сторону нельзя было увидеть происходящее внутри их камеры, и то же самое было со звуком. Если они хотели бы поговорить с чем-либо внутри той камеры, требовалось активировать

предназначенный для этого микрофон.

— Что ты имеешь в виду?..

— Припомни-ка операцию на горе Драконий клык. Операция близилась к своему завершению и вот, Безжалостная королева предстала прямо перед тобой... Она командующая базой, которая находилась на грани падения в руки врага, — этот ее ход не просто нелогичен, он слишком пагубный.

Шин был заперт на нижнем уровне базы у озера магмы. Он не мог никуда сбежать, а гробница из твердых каменных стен изолировала все виды связи.

К тому же база уже была на грани отбития. Присутствие на ней командующей Легионом чересчур ненормально. Оттуда некуда было идти, а посылаемые приказы ничем не могли помочь.

— Да, это еще могло быть простым совпадением. Она могла придерживаться логики, понятной только Легиону, а не людям. Но нельзя исключать возможность, что она намеренно раскрылась перед тобой. Мы должны сперва это подтвердить, и, если все так, узнать причину.

Захват Безжалостной королевы ударной группой произошел по ошибке с ее стороны? Или, быть может, она намеренно показала себя? Если последнее, то какова цель? Был ли это просто случайно попавшийся под руку человек или Шин — обязательное условие?

Если ей нужен только Шин, то это из-за того, что кто-то этого захотел, или потому что он единственный, кто получил скрытое в Фениксе послание? Дело в королевской крови бывшей Империи или он подошел, поскольку в одиночку уничтожил Феникса?

А может, его голос достиг королевы из-за способности слышать стенания Легиона?

Они должны понять, что скрывается за действиями Безжалостной королевы, а затем попробовать разгадать смысл.

— Я могу слышать голоса Легиона, но не говорить с ними... Я, кажется, упоминал уже об этом.

— Да, упоминал. Но раз ты можешь слышать голоса призраков, возможно, голос Бога Смерти может достичь их. Думается мне, это естественное предположение.

†

Но в результате этого эксперимента они так и не добились ответа от Безжалостной королевы.

— ...Легион определенно слышит меня... В паре редких моментов они точно определяли мое местоположение. Но между нами никогда не происходило какого-то диалога.

— Да уж если ты мог бы говорить с ними, то, возможно... Э, ну, тебе бы не пришлось сражаться со своим братом. Но...

Лена кивнула и аккуратно приложила нож к губам, вспоминая вчерашний день. Белый Муравей. Буквально на мгновение ей почудился лунный блеск в оптическом сенсоре...

— Она... Мне кажется, она смотрела на тебя, хотя такой возможности у нее не было.

Почувствовав на себе взгляд кроваво-красных глаз, Лена склонила голову набок.

— Что такое?

— Ты обращаешься к Легиону как к человеку, Лена. Остальные называют его металлоломом, но я только понял, что ты их так не называешь.

Лена моргнула несколько раз. Когда он упомянул об этом, но да, все как он и сказал. Но то же самое верно и для Шина.

— ...Скажи честно, тебя это беспокоит? — спросила Лена.

Называть их металлоломом. Слышать, как механизированных призраков низводят до чего-то столь примитивного. Тяжело ли ему выслушивать, как его брата, ассимилированного Легионом, называют монстром?

— Не то чтобы, просто... — Шин замолчал, чтобы обдумать ответ.

Он пытался привести в порядок эмоции и мысли, с которыми не мог разобраться. Шин перестал оставлять вещи в покое неопределенными словами о том, что он не знает. На поле брани восемьдесят шестого сектора у него не хватало ни времени, ни желания для противостояния этим чувствам, и он также не мог отрицать ту часть себя, которая постоянно убегала от проблем.

Если его что-то не устраивало или он не хотел об этом говорить, то просто игнорировал. Притворялся, будто ничего нет. Ничего не изменится, если он начнет задумываться.

Однажды, рано или поздно, он падет на поле боя. Такая судьба ждала всех «восемьдесят шесть». Или так он думал... Но он выжил. И даже после снятия оков судьбы он жил, постоянно оборачиваясь на приближающуюся угрозу смерти.

С этим он смирился, но продолжал избегать. Что привело его к хаосу, воцарившемуся в Объединенном королевстве. Он не хотел повторения этого.

— ...Думаю, ты права. Я бы не хотел, чтобы к ним так обращались. Рей хоть и стал Легионом, но я видел в нем только своего старшего брата. Кайе и остальные – все те, кого я пообещал взять с собой. Я просто не могу называть их, ставшими Легионом, «металлоломом» или «механизированными призраками».

Он не проводил различий между машинами, ассимилировавшими погибших на войне, и чистым искусственным интеллектом. Эти скитающиеся духи постоянно рыдали. Их плач звучал для него одинаково.

— Ты добр, Шин, — сказала Лена со слабой улыбкой на губах.

— ...Ты в последнее время зачастила с этим словом, но думаешь, говорить мне об этом будет достаточно, Лена? — спросил он слегка дразнящим тоном.

Лена надулась.

— Я говорю это, потому что искренне так считаю... и потому, что ты словно этого не замечаешь.

— Потому что я считаю это неправдой.

— Да будет тебе...

Ее очень беспокоило его бессознательное принижение себя чуть ли не до пыли. Наблюдать за ним таким было очень мучительно.

— ...О, и насчет нового оснащения, которое еще необходимо протестировать. Похоже, допрос Безжалостной королевы займет какое-то время, поэтому можешь сосредоточиться на своем деле, а Райден и остальные помогут в другом...

От воцарившегося молчания со стороны Шина Лена не смогла сдержать смешок.

— Шин, да ты сейчас точно ребенок, у которого игрушку забрали.

□

Сидя в нескольких столах от капитана их отряда и тактического командира — те ворковали друг с другом подобно парочке голубков, — Райден решил подвести итог:

— ...Итак, этот придурок таки разобрался в себе.

Он говорил про то, как Шин, погруженный в мысли, провел день в своем номере. Теперь, конечно, стало понятно, о чем тот раздумывал.

— Удивительно, как долго до него доходило при такой очевидности. Вернее, он же даже не подозревал об этом до сих пор, — заметил Сео, подперев рукой подбородок и поднеся вилку с мясом ко рту.

— Хотя я и не знаю их так хорошо, но даже мне было заметно. По обоим, — согласился Дастин, после чего отломил кусочек от буханки хлеба.

Повар покинула свое место за стойкой и с широкой улыбкой проходила между столами с большой тарелкой сосисок — те, конечно, были заготовлены с использованием синтезированного мяса, — чтобы предложить второе. Они согласились и еле освободили место для сосисок на доверху забитых тарелках.

Марсель тут же испробовал одну — она была горячей, так что он долго пыхтел и кряхтел, пока наконец не прожевал ее. Откусив еще раз, он присоединился к разговору:

— К такому его виду я уже попривык, но... в специальной офицерской академии я бы не смог представить его таким.

— Да мы бы тоже, — сказал Рито, жуя жареную картошку.

— Учитывая каким он был в восемьдесят шестом секторе, удивления тут мало будет. Никогда не мог предположить, что у капитана может быть такое лицо... — произнес Юто, отставляя в сторону опустевшую миску из-под крем-супа.

— Так чего мы делать-то будем? — спросил Дастин.

— Что делать будем? — Райден тяжело и протяжно вздохнул. — Ну, досадно будет, если он упустит шанс.

— Это точно, — согласился Сео.

— Честно говоря, это и меня уже начинает раздражать, — добавил Юто.

Все четверо вздохнули в унисон.

— Думаю, придется оказать ему непосильную поддержку.

□

Похожий разговор происходил насчет Лены. Анжу, Шиден, Аннет, Митихи и Шана шептались друг с другом. Их столы также были завалены различными блюдами.

Среди этого застолья только двое не изъявили участвовать в разговоре: Крена нарезала трехслойные блины с налитым сверху ягодным джемом, и Фредерика, прожевывающая медовые тосты. Обе выглядели недовольными. Остальные девушки все понимали и жалели их, но пока решили оставить все как есть.

— Думается мне, проблема в незнании Лены, — сказала Анжу, направив в рот кусок печеного яблока.

— Если интересует мое мнение, то меня искренне поражает, что Ее Величество так ничего и не заметила, — произнесла Шиден, воткнув вилку в бекон.

— Особенно потому, что Шин у нас, ну... как открытая книга... — Аннет вздохнула, похрустывая сушеными фруктами.

— Так и... — начала Митихи с соседнего от Аннет места. — ...что нам делать?

Шана нахмурилась — она откусила клубнику, и та оказалась кислее, чем рассчитывала изначально. Воспользовавшись багетом, она намазала на него джем, чтобы слегка облегчить вкусовые рецепторы.

— Поддержка Лене оказалась бы как раз кстати, но сама она совсем не понимает собственные чувства, что довольно серьезная проблема, — ответила она.

— Ага... Но если она просто сбежит, это оставит неприятный привкус.

— Честно говоря, эти их два шага вперед, четыре назад начинают раздражать.

Все — за исключением Крены и Фредерики — разом вздохнули.

— Мы должны присматривать за ней так, чтобы у нее не было и шанса сбежать.

□

— ...Чесслово, все это упорство в романтике... Простой народ слишком уж беззаботен, — пробормотал Вик при виде пары Шина и Лены, а также болеющих за них «восемьдесят шесть».

Ему не нравились места со скоплением людей, потому позавтракал он в своем номере, а в кафетерий зашел ради кофе.

На первый взгляд казалось, словно он наслаждался этим зрелищем, но в сказанных словах не было и капли элегантности. Они, скорее, выражали неприязнь.

Лишенный права на трон, его также страшились как хладнокровной Гадюки, которая играла с покойными. Но Вик все равно числился из королевской семьи. И что более важно, он – Аметист. Наследник способности родословной Идинарок. Вне зависимости от его желания передать свою кровь следующему поколению, смешанные браки для него были строго запрещены.

Сколько он себя помнил — и еще даже до рождения, — ему уже определили законную жену и подобрали кандидатов в наложницы. Кроме того, применялось это не только к нему, но и ко всем членам семьи Идинарок.

Для родословной единорогов нечто эгоистичное вроде романтических чувств не имело вообще никакого веса в выборе партнера по браку. Да и само понятие романтики у людей возникло не с древних времен — это новый концепт, рожденный в современную эпоху, а Объединенное королевство чтит старые традиции.

Вот почему перед его глазами горько-сладостное зрелище ангельской юности раздражало... И он ничуть им не завидовал.

На противоположной стороне сидела Лерче. Ее руки держали только полученную чашку кофе. Она, конечно, пить не могла, но это была своего рода учтивость. Она посмотрела на Вика и заговорила:

— Ваше Высочество, может, Вам уже разобратся с официальной женитьбой с невесткой, принцессой Ярославой?..

— Заткнись, семилетка.

— Так ведь! — Лерче наклонилась вперед, пока ее руки все также обвивали кружку. — Ваше Высочество, принцесса мучается от того, насколько Вы отложили свадебную церемонию. Она даже приходила ко мне — на секундочку, механизированной кукле — за советом! Она спрашивала меня, не находите ли Вы ее бесполезной или неумелой в чем-то. Да она столько слез пролила, будто утренняя роса с цветущей розы... Невыносимое зрелище, Ваше Высочество.

— ...

Вик не проронил ни слова. Он знал. Досада от нежелательного напоминания и частичка вины

лишили его дара речи.

Девушка была выбрана исключительно из-за родословной могущественной семьи в Объединенном королевстве, одной из ветви линии единорогов. Она выросла в жену, которая ни за что не опозорит принца, и надеялась выйти за него замуж. Она воспитывалась покорной супругой, не вмешивающейся во внутреннее правление. Ее взрастили здоровой женщиной, что сможет выдержать деторождение.

Идеальная почва для взращивания следующего поколения семьи Идинарок.

Она вовсе не была неприятной юной девушкой — совсем наоборот: она никогда не высказывала недовольство по отношению к Вику, да и ее доброта не знала границ, причем настолько, что даже Лерче она не ругала, хотя та не только по статусу находилась гораздо ниже, но и человеком не была.

Но все равно...

— ...Замолкни.

Именно она говорила ему выбрать другую. Эти слова говорила девушка, так сильно напоминающая Лерченлид... Это слишком давило.

□

Кое-кто наблюдал за мирным завтраком парней и девушек — Сержант Гурен Акино из 27-й бригады обслуживания ударной группы, ответственной за Регинлейвов. Он тяжело вздохнул.

«Вот честно...

Этот развеселый отдых должен быть не только у обслуживающей команды, но и у этих паршивцев.»

— Ну и как мне новость-то сказать?.. Простите, что прерываю, но пора за работу, процессоры?

†

<<Приступить к выполнению.>>

<<Запуск системы, WHM XM2 Регинлейв. >>

<<Активация Mk. 1 Яростная армия. Проверка систем.>>

<<Ремни для ног, сцепка подтверждена. Завершено.>>

<<Мантия Фригг*, функционирует нормально. Начало связи.>>

[П/П: Богиня любви в германо-скандинавской мифологии.]

<<Работа главной схемы подтверждена — функционирует нормально.>>

<<Работа вторичной схемы подтверждена — функционирует нормально.>>

Закрытие дополнительного окна означало успешную активацию дополнительного оснащения. Шин резко и коротко вздохнул. Он сидел в тесной, погруженной во мрак кабине, и оптический экран перед глазами служил в роли единственного источника света.

Поступил приказ выступить. На голографическом экране дополнительного оснащения мерцали буквы, формирующие слова.

<<Траектория, чисто.>>

<<Мантия Фригг, развертывание.>>

†

— Валькирии воспаряют.

Оператор слабо улыбнулся при виде движущихся машин, чья маневренность улучшилась благодаря новому оснащению под названием «Мантия Фригг». Этот ледяной, яростный вид фердреса Союза Гиаде, выполненного в цвете полированной кости, был под стать своему названию Регинлейв – валькирия, предвестница смерти.

Но они все равно превзойдут их. Для стаи грифонов это поле боя гор и камней считалось их территорией, и они ни за что не проиграют.

— А теперь, — оператор улыбнулся с ликованием, — выдвигаемся, товарищи. Полный ход по нашей крепости с проворством горного козла и свирепостью пикирующего орла!

†

<<Операция: первая фаза завершена.>>

<<Приступить ко второй фазе. Мантия Фригг, деактивация.>>

После сообщения дополнительное окно мелькнуло и исчезло. Сработал пироболт, отсоединяя невидимое из кабины оснащение.

А в следующее мгновение его пробрал шок.

— !..

Удар выходил за рамки ожиданий Шина. Он был настолько сильным, что еще не доводилось за раз такой получать. Он заставил пошатнуться Могильщика. Шин стиснул зубы; из-за вибрации он едва не прикусил язык, и тут в голове возник вопрос.

«Вторая фаза?»

А затем на статусном экране погасли две отметки союзных Джаггернаутов. Они принадлежали...

— Шана?!

— Враги?!

Шин просканировал лес, отражающийся в оптическом сенсоре Могильщика, но не было ни единого признака вражеской единицы. И все же радары союзных агрегатов и сенсоры уловили присутствие противника, передавая по каналу связи все данные Могильщику.

Незарегистрированный в базе данных. Неопознанная цель.

Вражеская машина... нет, войско.

Их операция состояла из простого патрулирования и должна была закончиться сразу, как они ступят на вражескую территорию. Согласно брифингу, поблизости вражеских войск быть не должно, соответственно, и столкновение с противником также не прогнозировали.

Шин некоторое время шевелил извилинами, но затем качнул головой. На поле боя ситуация менялась постоянно. Особенно это касалось покрытой туманом местности, где толстые клубы дыма скрывали вражеские передвижения.

На краю зрения он уловил мелькнувшую тень между деревьев. Заметил он лишь движение, и эта тень уже изменила направление и спряталась, но Могильщик выстрелил.

Скорость в 1.600 метров в секунду обратилась в разрушительную силу; вольфрамовый сердечник диаметром тридцать метров раздробил на щепки вражеское укрытие и все, что было за ним. Деревья несколько смягчили удар боеголовки, но она все равно сбивала все на своем пути.

Вражеская броня, вероятно, была не такой уж толстой и походила на Джаггернаут и Регинлейв.

Но, с другой стороны, метки союзных машин Шина пропадали одна за другой — более десяти сигналов уже пропало. Он удивленно сощурился на пропажу также Циклопа Шиден. Может, это была и засада, но вражеское войско должно обладать значительной мощностью для такого огромного ущерба.

— ...Всем членам отряда.

Он не слышал стенаний. И потому он внимательно водил глазами по оптическому экрану.

— Враг движется на высокой скорости, но броня тонкая. Не обращайтесь внимания на их укрытие и стреляйте. Также на мои разведданные можете не рассчитывать. Удерживайте строй и продолжайте поиски...

Тень пересекла ногу Могильщика. Она походила не на безголового паука вроде Джаггернаута, а на большого четвероногого зверя...

— !..

Спустя мгновение после прыжка Могильщика в сторону, по земле прошла дрожь. Металлическое копье, похожее на стальной клин, вонзилось в место, где буквально секунду назад стоял его агрегат. Грязь разлетелась во все стороны, словно туда ступил гигант.

Высокочастотная пика.

Подобно копрам Регинлейва, механизм детонации позволял благодаря взрыву воткнуть его во врага.

— О-о-о! — заполнил кабину Могильщика голос.

Шин прищурился. Голос принадлежал вражеской единице. Оператор заговорил через внешние динамики, чтобы Шин точно его услышал. Чудесный альтист напоминал звучание музыкального инструмента.

Перед ним возник враг в темно-коричневом облике, будто волк. База данных все также

показывала его как неопознанную единицу. Его облик походил на грифона. На правом плече была высокочастотная пика, которая сверкнула подобно клыку зверя. Пусковые направляющие втянули пику, и она вернулась на свое место с металлическим лязгом.

Скорее всего, он прыгнул с утеса за деревьями. Такой маневр Регинлейв не мог повторить. Хотя они и специализировались на высокой маневренности, но первоначальная задумка состояла в сражениях на равнинах или лесных и городских районах. Эта же машина определенно гордилась своей вертикальной подвижностью.

Два оптических сенсора — похожие на звериные глаза — насмешливо сверкнули, когда в них отразился Могильщик.

— О-о, да ты даже уклонился от такой атаки! Мне доводилось слышать, что ты только голоса Легиона можешь различать!

Шин прищурился. В отличие от них, кто ничего не знал о противнике, враг был хорошо проинформирован. Но это мало что значило.

— ...Думаешь, если я не слышу тебя, то не могу прочитать твои движения?

Согласно инструктажу, Шин сидел с выключенной радиосвязью, но оставался соединенным с остальными процессорами посредством только парарейда. Его слова не достигли ушей врага. Да и ответом это не было — он просто пробормотал про себя.

□

— Не смей недооценивать меня.

□

«Восемьдесят шесть» наблюдали за развернувшимся сражением с безмерным потрясением. Посреди зелени леса на поле боя в оптическом экране развернулась равная битва между двумя бронетанковыми орудиями.

Точно, она была равной.

И вот почему это лишило дара речи «восемьдесят шесть». Все они были ветеранами с позывными, но Шин стоял выше них. Сейчас этот Бог Смерти мог в одиночку противостоять Динозавру.

А теперь кое-кто в равной степени противостоял ему. В ближнем бою этот некто ничуть не уступал. Они впервые такое наблюдали.

□

Правда, то же самое относилось и к стороне врага. Они не могли поверить в то, что кто-то на равных противостоял их героической принцессе, Анне Марии, с ее копыеносным танцем.

□

Концепт вражеской машины повторял Регинлейв, и поэтому она специализировалась на высокоманевренном сражении. Ловкость была сопоставима с Регинлейвом, хотя столь высокие скорости наносили увечья неопытным операторам.

«Феникс все равно быстрее», — трезво оценил Шин.

Сейчас он пилотировал Регинлейв, но большая часть семилетнего опыта принадлежала Джаггернауту. Медленный, неуклюжий и настолько слабый, что «восемьдесят шесть» шутки ради окрестили его ходячим гробом. И Шин уже много раз сражался с Легионом с его абсурдной проворностью на медленном агрегате.

Характеристики теперешнего его партнера были сопоставимы с машиной оппонента, так что никакая атака не застанет его врасплох.

Когда высокочастотная пика стрельнула в него, он из пригнувшегося положения резко нырнул вперед, и оружие пронзило лишь пустоту. Он пересекся с врагом, Могильщик взмахнул высокочастотным лезвием и разрезал пополам направляющие. На этом он не остановился и, сменив направление лезвия, рубанул по туловищу.

Грифон уклонился прыжком в сторону, но лишь затем, чтобы Шин бросился за ним следом. Тот снова оттолкнулся от земли, выстрелил анкером и начал сматывать его для набора скорости.

Длиннокалиберная 88-мм башня Джаггернаута могла достать его, а мощные копры обеспечивали сильную атаку. После приземления буферным системам и амортизаторам фердреса требовалось какое-то время для поглощения удара. И в результате, пусть Могильщик вот-вот готовился к атаке, грифон не мог сразу двинуться с места.

Точнее, не должен был.

Грифон направил яростный взгляд на Могильщика. Нырнув в сторону, он поднял задние лапы, за которые прочно зацепился провод, до приземления остальных. В результате он крутанулся на месте. Провод задел Могильщика и обвился вокруг ног.

— ?!..

Могильщик завалился вперед из-за потери равновесия. Другой агрегат использовал ускорение и влетел в своего противника, так что оба они столкнулись раньше, чем ожидалось. Прежде чем Шин успел среагировать, враг ступил на плоскую сторону высокочастотного лезвия, приостановив его движение.

И все же две передние ноги Могильщика едва ли не касались брони противника.

Вооружение, сменить. Пуск.

Копры на передних двух ногах Могильщика сработали и пронзили вражескую кабину. И в этот самый момент короткоствольная башня противника, направленная точно на белую броню, рывкнула.

†

<<Операция завершена.>>

†

<<Текущее состояние: сильные повреждения.>>

<<Выжившие союзные единицы: 5.>>

<<Оставшиеся вражеские единицы: 0.>>

Шин глянул на окончательный счет перед ним и открыл кабину симулятора. Результаты не отражали последствия последнего их сражения, но, скорее всего, закончилось оно взаимным уничтожением. Или, точнее, ему не оставалось иного выбора, кроме как самому идти напролом... А может, подвести к этому врага.

В любом случае он покинул симулятор, спроектированный по подобию кабины Регинлейва, и с глубоким вздохом прислонился к обтекаемой оболочке. Этот симулятор предназначался для системы Яростной армии — нового оснащения для Регинлейва. Шин задумался насчет симуляций и второй фазы, которая представляла собой имитацию сражения.

Будет чертовски тяжело, пока я не привыкну...

Он еще не привык к таким интенсивным ускорениям. Создавалось ощущение, словно вся кровь и органы выкачиваются из тела, и он впервые за долгое время чувствовал подобное. Пять чувств настолько были разобщены, что он не мог даже определить направление.

В тренировочном зале симулятора одна из капсул, которую Шин считал пустой, открылась, и из нее вышел другой оператор.

Быть может, с целью повышения удобства системы управления фердресов Альянса дополнялись прямым соединением с нервной системой оператора. Вдоль всей спины и до самой шеи тянулись провода — они постепенно отсоединялись и сползали в кабину подобно извивающимся змеям. Вышедший человек распустил длинные черные волосы, тянувшиеся до талии.

— ...О твоих навыках мне уже слышать доводилось, но...

□

— Королева все так же молчалива, но, похоже, привести его для встречи оказалось не бессмысленным

Они наблюдали за тренировочным залом через окно сверху, где располагался конференц-зал. Пожилая женщина отпустила фразу стоящей рядом Грете. У нее были длинные волосы, выкрашенные в красный, и синие глаза Сапфиров. Она стояла с выверенной осанкой, будто сама ее сущность была сделана из стали.

Генерал-лейтенант Белл Эгис. Главнокомандующая северными оборонительными силами Альянса. Эта самая женщина присутствовала на собрании касательно Морфо в качестве представителя Альянса Вальде.

— В результате анализа записей вчерашнего допроса обнаружилось, что она слегка дернулась на оклик Ноузена. Может, мы сможем увидеть еще какую реакцию на него.

С самого своего основания Альянс придерживался политики всеобщей воинской обязанности. Армия никогда не базировалась исключительно на мужчинах, поэтому в этой стране разница в манерности между мужчинами и женщинами практически не существовала. Солдаты по большей части предпочитали краткие, но емкие предложения, дабы не усложнять доставку приказов. При разговоре довольно трудно было определить, принадлежат ли фразы мужчине-солдату или женщине*.

[П/П: Небольшое отступление. В русском языке определить довольно просто, ведь у нас есть род глагола, но что в оригинальном японском (есть, но не в той степени), что в английском такого нет.]

— ...Он точно имеет ценность для Легиона. Реакция это доказывает.

— Я не стану просить приказать ему стоять подле нее.

— А я не планирую приказывать... Но если он сам решит, то не вижу причин останавливать.

На мгновение между двумя женщинами-офицерами повисла нить напряжения, которая могла оборваться буквально от одного прикосновения.

— Генерал-лейтенант Эгис... Касательно того дела... Я нахожу это несколько проблематичным. Она мой подчиненный, так что мне бы хотелось, чтобы меня оповещали о любых назначенных встречах.

— Именно потому, что офицеры Союза продолжают говорить так, они и направляются в Альянс... Наша страна считается нейтральной нацией. И мы не поддерживаем какую-либо сторону.

Единственное исключение – сражение с Легионом, общим врагом для человечества. Но это все равно не значило, что у них не было собственного мнения. Взирая сверху на «восемьдесят шесть», генерал-лейтенант Эгис обратилась к Грете, не оборачиваясь на нее. Она походила на строгую бабушку, которая присматривала за играющими внучками.

— Полковник, воспринимайте это как простой монолог, но... несколько дней назад вы ведь подтвердили выживание нескольких небольших стран к западу от Республики, так?

Экспедиционные войска по оказанию помощи Союзу все еще пребывали в Республике, отвоевывая северные районы. Объединенное королевство же располагалось на западе Республики. Обе страны поддерживали постоянный обмен информацией.

— Эта страна поистине омерзительна. Но если будем обращаться к ней столь холодно, те уступят место безумной стране на далеком западе.

«...Так вот ваша позиция.»

— Благодарим за заботу, генерал-лейтенант Эгис.

□

Человек приблизился, пока военные ботинки отстукивали по полу. На ходу он плавно и отработанными движениями развязал ленту на волосах, позволив им струиться по спине подобно черному водопаду.

— Даже представить сложно, что самое большое, на что я могу рассчитывать, — это взаимное истребление... Ты прямо нечто. Только осторожнее, а то ведь могу и влюбиться.

Красивый алыт эхом раздавался в ушах, возможно, из-за материала стен. Чистый, чарующий

голос, готовый в любой момент отдать приказ. Аромат июньских роз исходил от формы Альянса цвета осени, что очень шло женоподобному лицу. Становилось очевидным сходство с Анной Марией, героической принцессой на войне за независимость в Альянсе, что вышла на поле боя в мужской одежде.

Шину было знакомо это лицо. Во время инструктажа к симулятору этот человек присоединился к ним, будучи посланным бойцом в ударную группу. Если он правильно помнил, оператора звали...

— Позволь представиться, капитан Оливия Эгис и по совместительству инструктор по Яростной армии... А насчет матча выскажусь еще раз: он вышел великолепным.

— Я уже слышал о вас, капитан Эгис. Я капитан 1-ой бронетанковой дивизии ударной группы, Шин'эй Ноузен.

— Приятно познакомиться... О, и можешь звать меня просто Оливия. В формальностях нужды никакой нет. Я, может, и старше, но мы разделяем одно звание. — Голова капитана Оливии склонилась набок. — Или, может ли быть, что ты гораздо опытнее меня? Кажется, «восемьдесят шесть» заступили на службу в совсем юные годы, и, став обычным лидером, к тебе уже стали относиться как к капитану. Могу я узнать, сколько тебе тогда было лет?..

— Да, в восемьдесят шестом секторе звания для нас ничего не значили. Да и если честно, я даже не уверен, можно ли то время в принципе причислять к действительной службе.

— Будет тебе, отбрось уже эту вежливость... Так сколько тебе было?

— ...Двенадцать. Получается, прошло уже около шести лет.

— Вот как... С моей стороны это было слишком грубо, капитан Ноузен, сэр.

Рука Оливии отсалютовала в шутливой манере. Шин взглянул на этот жест и криво улыбнулся. Даже он понял, что Оливия старается разрушить лед.

— Признаюсь, я совершенно не ждал учебных боев, когда нам сказали про симуляцию тренировки для теста мобильности Мантии, — сказал Шин.

— О? Разве на инструктаже ничего не прояснили? После введения Мантии вы наверняка столкнетесь с Легионом в реальном сражении. А в симуляции моя Анна Мария и Штолленвурм Альянса вполне могут взять на себя роль агрессора.

— Нет, мы ничего не слышали об этом.

— Надо же... какая оплошность с моей стороны. Очевидно, это получилось непреднамеренно.

Глаза Оливии слегка дернулись, а тон голоса откровенно намекал на ложь. Неожиданная атака была запланирована с самого начала.

— Кстати, тот последний маневр Анны Марии. Его невозможно совершить без абсолютных знаний о моих действиях в такой ситуации. Можешь раскрыть трюк?

Это был тот момент, когда Анна Мария использовала анкер при приземлении Могильщика, чтобы сократить дистанцию. Поговаривали, что адреналин способен иногда создать впечатление замедленного времени, но менее чем за секунду суждение обратилось в действие. Будто бы Оливией было рассчитано все до мельчайших деталей.

— Прости, но это конфиденциальная информация. Раскрыть ее я-то могу, но будет это только после того, как ты станешь моим противником. Тогда ты проиграешь и умрешь в бою.

— ...

— Шучу... Со мной то же самое, что и с тобой, — я, как они называют, Эспер.

Синие глаза Оливии весело взирали на него. В них запечатлен уникальный насыщенный оттенок Сапфиров. Эта аристократическая родословная заимствовала черты Адуляриев. Другими словами, у них имелись сверхъестественные способности, передаваемые по венам поколениями. Угольно-черные волосы Оливии, возможно, указывали на принадлежность к Джетам.

— Клан моего отца некогда был воинственным кланом в регионе Ринка. Они обладали силой заглядывать в будущее. Со временем кровь смешивалась, и способность поредела. Заглянуть в будущее я могу разве что на три секунды.

— И вот как...

Штолленвурм Оливии, Анна Мария, специализировался на ближнем бое. «Причем этот стиль не так уж распространен в нынешней войне», — подумал Шин, почему-то будучи слепым к самому себе.

Однако три секунды посреди сражения давали невероятное преимущество. Особенно это касалось близких дистанций, три секунды создавали огромную разницу.

Шин уже погрузился в раздумья насчет способов победить такого противника в следующем бою, когда на лице Оливии расцвела улыбка.

— Капитан, ты сейчас выглядишь так, словно ищешь возможность выиграть в следующий раз. На первый взгляд кажется, что ты собран и хладнокровен, но на удивление дух соперничества слишком уж высок.

— ...Оставаться на проигрышной стороне мне не заходит.

Он не питал детских иллюзий насчет того, что сильнее всех, но... С получения должности капитана он никогда и никому не уступал.

— На самом деле мне не кажется, что наш небольшой спарринг закончился поражением для обеих сторон. Все-таки это было взаимное уничтожение... Но, быть может, это упрямство и поспособствовало развитию таких навыков. Мне слышалось, ты в одиночку расправился с новым типом Легиона, Фениксом.

Шин резко посмотрел на Оливию, а капитан Альянса пожал плечами.

— Альянс собирает информацию по всем странам.

Улыбка появилась на губах Оливии, но в то же время в словах чувствовалось раздражение. Будто в них содержалась глубоко укоренившаяся ненависть.

— Мы-таки начали отдавать долг разработкой Яростной армии, но до сих пор мы только и делали, что в одностороннем порядке получали информацию и технологии от Союза и Объединенного королевства. Мы искренне признательны, но, честно говоря, это несколько раздражает... Нет никакой чести в принятии милостыни.

□

— Бога ради, примите мои извинения за то, что пришлось выдернуть вас, полковник Миризе. И спасибо за уделенное время, несмотря на внезапный запрос о встрече.

— ...Все нормально, забудьте.

Прихожая купален, располагаемая отдельно от главного здания курорта. Витиеватый стиль места напоминал древнюю архитектуру. Между ними проходил пурпурный — цвет, полученный синтетическим путем — стол; Лена разговаривала с прибывшим гостем, которому была совсем не рада.

Гость носил ту же форму цвета берлинской лазури. Форму Республики.

— Я наслышан о многочисленных достижениях, полковник. Как вы оказали непосильную помощь в освобождении территорий Республики, оказавшиеся во власти этих металлических

чудовищ... и поддержку Союзу. Превосходно, браво. Вы самая что ни на есть богиня войны, которой наша Республика гордится. Второе пришествие Святой Магнолии.

— Все случилось благодаря силе Союза и их ударной группе... а также помощи со стороны Объединенного королевства. И что более важно, почести принадлежат процессорам ударной группы. Я здесь не причем, подполковник.

— Да бросьте, что вы такое говорите? На родине правду знают все, включая меня.

Мужчина средних лет с лычками подполковника склонил свое упитанное тело перед Леной, которая годилась ему в дочери. До войны с Легионом он был учителем. На округлом лице застыла дружеская, неподдельная улыбка, призванная для успокоения детей.

— Патриотические рыцари все-таки оказались правы. Даже низшая форма жизни в лице «восемьдесят шесть» может стать грозным активом против Легиона под командованием способных офицеров Республики.

Выражение лица Лены слегка скривилось. Снова. Они снова так говорят. Слова выходили с его уст... и отвращение с омерзительностью давило всем своим весом на нее. Но чувства были направлены не на саму себя, а на других.

— Вы само их воплощение, полковник Владилена Миризе. И столь великие достижения этого отряда «восемьдесят шесть» в войне против Легиона являются неопровержимыми доказательствами величия вашего командования.

— !..

Слова вдали по ней, как кувалда по голове. Такова была идеология Патриотических рыцарей... или Отбеливателей — шутовское название, которое дали им «восемьдесят шесть». Альбы Республики считали себя высшей расой, и потому Сан-Магнолия ни за что не проиграет Легиону, пока они доминируют над «восемьдесят шесть».

Стыд и омерзение заполнили ее сердце. Но по-настоящему пугало то, что она... из всех людей именно Лена... служила для них доказательством нереалистичного, фанатичного бреда...

— Угх...

Шок и негодование заставили напрячься скулы, но она как-то сумела заговорить:

— Я буду повторять это столько, сколько потребуется: ударная группа «восемьдесят шесть» — отряд, принадлежащий армии Союза. Юнцы, которых вы называете «восемьдесят шесть», теперь жители Союза и солдаты этой страны. И тот факт, что я солдат Республики, не означает...

— Тысячи мрут ради славы одного героя, полковник Миризе. Эта заслуга в данном случае не солдат, а их командира. Ударная группа неплохо показала себя под вашим командованием, а значит ее достижения – также ваши, ну и Республики, следовательно. Мы не можем позволять Союзу и дальше грабить нас. Долг... и «восемьдесят шесть»... Скоро мы все вернем.

— Союз предоставил «восемьдесят шесть» прибежище от гонений Республики!

— «Прибежище» звучит неплохо, но это нисколько не оправдывает присвоение другой страной нашей собственности! Они могут называть нас нелюдьми за наше отношение к свиньям как к свиньям. Но это что, дает им право свободно забирать все, что принадлежит нам?! Гадство какое!!!

— «Восемьдесят шесть»... не какой-то скот и не может быть чьей-то собственностью. Они люди! Вы не можете...

Внезапный удар ладонью по столу прервал Лену. Подполковник наклонился вперед, пристально глядя в нее. Во взгляде читалось отчаяние.

— ...Прошу, прекратите клеветать. Вы сейчас высказываете пропаганду Союза, которая позорит нас. Такие слова не должны слетать с уст гражданина Республики.

— ...

«Я... Я...»

— Подумайте, полковник. Мы просим вас о сотрудничестве. Я не желаю посылать своих учеников на поле боя. Не хочу видеть смерть кого-либо из них.

«Даже ценой смертей “восемьдесят шесть”. Снова.»

«А-а-а-а...», — сообразила Лена, и печаль переполнила ее.

Даже сейчас, после стольких лет, после всего случившегося, граждане Республики не признавали человеческих прав у «восемьдесят шесть». И она наконец поняла, почему они поддерживают идеи Отбеливателей.

Если они не вернут себе «восемьдесят шесть», им придется самим выйти на поле боя.

Восемьдесят шестой сектор служил щитом для мира Республики и гарантом общественного порядка, поэтому они хотели его восстановить. Ведь в ином случае на поле брани верной смерти ступят они сами, чтобы противостоять Легиону.

«И они решили использовать меня... из всех людей, именно меня... как доказательство работы этой омерзительной, безнравственной системы?..»

Лена углубилась в диван, не находя слов. Подавленная, разочарованная, ее охватило головокружение.

«Все из-за меня. Из-за... моей легкомысленности. По моей вине этих гордых воинов вновь облачают в свиней в человеческом обличье.»

— Полковник, ну вы ведь тоже гражданин Республики. Разве вы не любите свою родину? Вы же просто не можете велеть нашим невинным детям выйти на поле боя!

Скрип военных сапог прервал их прения, и кто-то подошел к подполковнику настолько близко, что это граничило с грубостью.

— У меня, может, и нет родины, но даже я могу понять верность своей стране. Пусть даже сам этого чувства не испытываю.

Лена оцепенела от голоса. Она не думала, что это будет именно он. Как правило, его шагов совсем не было слышно, да и она предполагала, что тот будет неподалеку от базы.

— Но посылать других умирать во благо вашей страны и называть это патриотизмом для меня как-то слишком уж большой прыжок через логику.

Шин. С его обычным собранным тоном голоса и отстраненным взглядом.

— Ши... Капитан. Э, я думала, у вас тренировка...

— Мы закончили... А когда я вернулся, Фредерика сказала, что к тебе пожаловал странный гость. Я подумал представиться.

Вместо успокоения Лена чувствовала себя пристыженной — ей хотелось прямо сейчас провалиться сквозь землю. Как много Шин услышал? Он знал о том, почему мужчина перед ней, одетый в ту же самую форму, продолжал глумиться над «восемьдесят шесть»?

И если он слышал весь разговор, какие чувства испытывал?

Подполковник же, с другой стороны, озадаченно посмотрел на Шина. Он выглядел так, словно только что на него рывкнула собака, на первый взгляд кажущаяся послушной.

— Так это один из «восемьдесят шесть», которых выгуливает полковник? Несколько сбивает с

толку твоя человеческая одежда... Этот разговор между людьми. Знай свое место и пшел вон.

— Ага, прямо как ты и сказал, я «восемьдесят шесть». Только вот... Нет, как раз потому, что я «восемьдесят шесть»... — спокойно произнес Шин. В словах не было злости, он словно просто констатировал факт. — ...Нет ни одной причины, по которой я должен выносить твои, гражданин Республики, издевательства. Ни твои, ни кого бы то ни было еще.

Лена с трепетом перевела взгляд на Шина. Такого он еще никогда не говорил. До сих пор он пропускал мимо ушей все насмешки и вел себя так, как если бы его это совсем не волновало. Он как бы заявлял, что нет смысла затаивать обиду или отвечать на все сказанное белыми свиньями. Ведь что бы он не сказал, его не поймут. Сколько бы не объяснял, они ни за что не смогут признать ошибку.

Эти несведущие свиньи лишь делали вид, что могли разговаривать, но истина такова, что они толком не понимали, о чем им говорят остальные. Шин в некоторой степени и сейчас в это верил. Но несмотря на это, он не собирался больше терпеть оскорбления. Вот что передавал его спокойный голос и безмятежный взгляд.

— Знай свое...

— Я-то свое место знаю. Потому и заговорил с тобой. Я не скот и тем более не часть дрона... То же самое и с вами — вы не высшая раса. Вы просто кучка поехавших граждан Республики, которые умерли в крупномасштабном наступлении.

□

Подполковник ушел, на пути выплевывая желчь и слова о том, что он обязательно пожалуется Союзу за оскорбление. Шин апатично проводил его взглядом.

— Жаловаться на «грязное пятно» Союзу, представляющему собой различные цвета. Он вообще думает, когда рот открывает?

— ...Шин, мне жаль, — сказала Лена, склонив голову.

— Тебе не нужно извиняться. Я ведь уже говорил: слова подобных людей меня не задевают.

— ...

Руки Лены покоились на талии и сейчас крепко сжимали подол юбки формы Республики цвета берлинской лазури. В такой момент сложно было игнорировать отличие цвета от формы Союза на Шине.

— Все равно... мне жаль.

— ...Я не буду останавливать тебя от извинений, если ты так этого хочешь. И не буду спорить с тем, что ты причисляешь себя к остальным гражданам Республики... Но...

Лена подняла взгляд, и тут она встретилась с кроваво-красными глазами. В них отражался ее удрученный вид и глубоко внутри читались печаль и беспокойство. Искренние чувства.

— Ты можешь быть женщиной Республики, но в то же время королевой «восемьдесят шесть». Не отрицай этого, пожалуйста. Не сейчас.

□

— Надо же, Шин'эй... да ты стал воплощением бесстрашной мужественности, а?

— Тебе не кажется, что это невежливо? Я бы на твоём месте прекратил уже.

Сидя на диване с львиными ножками, Фредерика мудро кивнула, пока ее алые глаза сверкали. Рядом сидел Вик, раздраженно прервав ее действия словами. Мобильный терминал в его руках зафиксировал, что владелец отвел взгляд, и поэтому прекратил проецировать на экран голограмму.

— Я вполне могу понять твоё беспокойство насчёт Ноузена, особенно после случившегося в Объединённом королевстве. Но тебе не кажется, что пора перестать так сильно цепляться за своего братика?

— Я просто присматриваю за ним! — угрюмо проворчала Фредерика.

Вик с легким раздражением посмотрел на нее. Он был удивлен, что Шин терпел бесстыдные выходки талисмана. У них могли быть те же кроваво-красные глаза и черные волосы, но братом и сестрой они не являлись.

...И это заставляло Вика задаться вопросом. Что вообще завело эту девочку в ударную группу? Вик знал про талисманы Империи и предположил, что причина появления на свет девочки состоит в необузданной жажде высокопоставленных аристократов. Но почему те поместили ее в этот отряд?

Фредерика закрыла глаза.

— Ну, думаю, подсматривать еще дольше и правда будет слишком грубо с моей стороны... Так что насчёт Шион и остальных? Удалось нашей ударной группе выйти целыми и невредимыми?

Старший лейтенант 2-ой бронетанковой дивизии Сири Шиион замещала Шину в роли командира операции. Ударная группа, а именно 2-ая и 3-я бронетанковые дивизии, развернулись на побережье бассейна северных стран. Чуть ранее Вик просматривал отчеты сражений по новостной программе информационного терминала.

— Судя по всему, выполнено около восьмидесяти процентов от их первоначальной цели. Они вновь прорвались через вражеский заслон, но... Ну, исходя из того, как много об этом верещат новости, не думаю, что было много потерь.

— ?..

— По крайней мере, общественность считает ударную группу козырной картой Союза в противостоянии Легиону. И так как конец войны не видно даже на горизонте, людям никогда не позволят услышать любые сведения о суровости сражений, не говоря уже о поражениях. Союз просто не сможет поддерживать мораль, если позволит таким новостям увидеть свет.

Фредерика нахмурилась от осознания смысла слов Вика. Отряд, который не мог проиграть... и не выполнить свой долг. Другими словами...

— Ты о том, что они должны оставаться бравадой героев...

— Обстоятельства «восемьдесят шесть» вполне успешно поддерживают этот образ.

История привлекала всеобщее внимание к силе элиты. А затем... трагедия. Даже имя Спасителя не было бы запечатлено в истории, не будь он приговорен к распятию.

— А что насчет твоего отряда? Они справляются? — спросила Фредерика.

— В новостях о них ничего не сказано, но они наверняка в порядке. Несмотря на производимое впечатление, та женщина вполне надежна, когда от нее требуется исполнение задачи... Вот бы еще она такая была и вне поле боя.

— Зайша, вроде?... Да уж, беспокойство насчет нее я могу понять.

Зайша числилась майором в армии Объединенного королевства — так же, как и Вика, ее направили в ударную группу в качестве замкомандира полка. Пока Вик находился в Альянсе, она брала командование на себя.

Эта девушка маленького роста носила большие, неуклюжие очки. А еще она часто спотыкалась во время ходьбы по коридору и роняла документы. Робкая, неуклюжая девушка постоянно проливали реки слез, когда Вик отчитывал ее за проступки.

Зайша не было ее настоящим именем – это прозвище, которое он дал ей. Оно означало маленькую крольчиху — правда «восемьдесят шесть» посчитали прозвище ее реальным именем, поэтому для них она стала «майором Зайшей» даже после того, как недопонимание было улажено.

— Ну, она все-таки выпустилась из специальной офицерской академии, да еще и будучи в лучшем классе. Даже практические курсы завершила... Но не об этом речь...

— ...Чего? — спросила Фредерика, содрогнувшись от образа этой девушки во время тренировки офицеров.

Вик проигнорировал ее реакцию и продолжил:

— Беспокойство насчет ее работы после доверия с моей стороны обязанностей – плохой тон правителя. Я доверился ей.

Фредерика на мгновение замолкла. Плохой тон для правителя. Для короля.

— Но мне думалось, ты не планируешь наследовать трон.

Фредерика была императрицей, но без владений и подданных. И все же она хотела действовать как правитель. До сих пор она никак не исполняла свои обязанности как императрицы... из-за чего ее переполняло сожаление. Сожаление, о котором она ни с кем не делилась.

— Ты не станешь королем, но все равно будешь вести себя, как подобает королевской особе?

Вик озадаченно склонил голову. Почему эта девочка — не королевская особа — задала такой вопрос?

— Конечно. Ведь я уверен, что должен так поступать.

†

Хотя Шин из всех был самым загруженным, даже его расписание, как ни странно, довольно свободно. Во время завтрака он вдруг вспомнил о наличии в этот день свободного времени, поэтому предложил Лене выйти в город вдвоем.

— Если ты, конечно, свободна. Ну, просто для разнообразия.

— Да, свободна! Пойдем! — с восторгом согласилась Лена.

Уныние от встречи с подполковником полностью испарилось.

Ближайший к отелю город располагался через реку, и им требовалось ее пересечь. Они сели на паром для перевозки пассажиров — напоминал трамвай или метро — и рассматривали красные крыши, характерные для городов Альянса.

Ни Шин, ни Лена не выбирали этот город по какой-то из причин. Они купили холодные сладости в одном из прилавков, что стояли вдоль главной площади, и смотрели на уличного исполнителя, который призывал кошек танцевать.

Лена еще долгое время смотрела на странную куклу ручной работы.

— ...Как думаешь, я смогу обучить Фипи подобным трюкам? Прыгнуть там или кувыркнуться?

— Фипи наверняка способен на это, но вряд ли у тебя будет возможность регулярно учить его. Ты слишком его балуешь, Лена, — подразнил ее Шин.

— ...Хмпф, — фыркнула Лена. — Никого я не балую. Это ты слишком холоден к нему. И все равно ему ты больше нравишься. Нечестно.

На обиженный тон Лены Шин усмехнулся. Услышав это, она стала счастливой и вскоре сама хихикнула. В город приезжали и другие процессоры для отдыха, и время от времени они видели среди людей знакомые лица.

— Смотри, это же Шин и Лена, — говорили они. — Вон на той стороне продают потрясающие печеные сладости.

Альянс был страной торговли и коммерции, поэтому культура малых стран к югу от гор перемешивалась на протяжении многих лет. Поэтому для Лены и Шина этот город был новым и необыкновенным как для проживающих в городах Республики и Союза.

Особенно это касалось Лены, ведь она выросла на равнине Либерте-эт-Эгалите. Она чувствовала огромную разницу с возвышенностями Альянса.

Среди проходящих мимо людей многие были из числа Каерулеи с золотисто-серебряными волосами и голубыми глазами. Это напомнило ей о Дайе — парне, которого она никогда не видела. Именно он приютил Фипи.

— Еще в восемьдесят шестом секторе остальные говорили, что Фипи больше всего привязался к тебе... Тогда его, правда, еще так не называли. И мы также не знали имен друг друга и не видели лиц.

— На самом деле я тогда размышлял над тем, когда ты уже устанешь от нас и перестанешь синхронизироваться.

Взглянув на него, она увидела, как Шин положил в сумку несколько открыток, купленных в сувенирном магазине. Наверняка он намерен подарить их дедушке и бабушке. Дедушка, Маркиз Ноузен, был по отцовской линии, а бабушка, Маркиза Майка, по маминой. Он старался налаживать с ними контакт, но поскольку с момента знакомства прошел только месяц, между ними все еще протекала некоторая неловкость. Но они, по крайней мере, пытались наладить семейные узы.

Два года назад Шин считал Лену наивной девчушкой, пытающейся казаться святой. И в результате он обращался к ней, как Куратор Один. Однако теперь все иначе. Так же как в случае дедушки и бабушки, с которыми он избегал встречаться, — сейчас он пытался сблизиться с ними.

Шин сильно изменился. Видя эти изменения к лучшему, Лена испытывала счастье... и одновременно одиночество.

— И особенно после того, как ты услышала голос Кайе... Я действительно был уверен, что ты не станешь больше синхронизироваться.

— Если честно... меня это по-настоящему напугало, поэтому потребовалось время, чтобы прийти в себя.

— Я тогда знатно удивился. Не из-за времени, а в принципе сам факт этого — ты была единственным Куратором, кто после голосов Легиона решила вновь связаться через парарейд.

Шин оглянул далекий летний горизонт. Красивый и в тоже время ослепительный.

— Сейчас, оглядываясь назад, выбор не отталкивать тебя оказался хорошим.

То, как он произнес эти слова, заставило сердце Лены пропустить удар. Часть ее чувствовала, что сейчас она не способна услышать продолжение. Она еще не была готова... Ее сердце еще к этому готово.

— Э-э...

— А, Ноузен, — прервал их разговор голос.

Говорившим был Марсель. Шин слегка повернулся, и в поле зрения Марселя попала также и Лена.

— ...И Лена. У, вы, кажется, кое-чем заняты были. Я, ну, короче, мигом исчезну.

— ...Забудь, все нормально... Не переживай, — ответил Шин.

Он перевел взгляд на красную крышу магазина позади Марселя.

— Станный выбор для тебя.

На полках выстроились милые плюшевые игрушки животных. Этот магазин специализировался на традиционном ремесле Альянса. Марсель с его острыми глазами и колючими волосами выглядел несколько странно посреди мягких, пушистых кошечек.

— О, ты об этом? Я просто решил, что раз уж выдался шанс за границей побывать, то нужно прикупить Нине подарок. Правда, не то чтобы у меня был хороший вкус... — пробормотал он, оглядывая различные игрушки.

Судя по всему, он разрывался между выбором нескольких маленьких, которые могли бы спокойно уместиться в ее ладошках, либо же купить большую — достаточных размеров, чтобы совместить несколько маленьких плюшевых зверушек, но которую ребенок сможет обхватить руками.

Поразмыслив несколько секунд, Шин достал из бумажника купюру и протянул Марселю.

— Вот, добавь и от меня.

Марсель удивился, но затем скривил улыбку.

— Конечно. Скажу, что это от друга старшего братика... Деталей рассказывать не буду, так что она вряд ли сможет догадаться.

Последнюю фразу он добавил в спешке, вспомнив один случай. Лена же понятия не имела, что он имеет в виду.

— ...Однажды, когда все более-менее успокоится, говорю тебе, ты должен встретиться с ней. Юджин не раз писал о тебе в письмах, так что и их бабуля хотела бы познакомиться с тобой. Уверен, Нина также захочет, когда подрастет до сознательного возраста. Хотя, будет лучше, наверное, если ты не расскажешь, чем все закончилось.

— Это точно. — Шин горько улыбнулся и пожал плечами. — И мне бы хотелось, чтобы она больше не слышала плохих историй обо мне.

— Да ладно тебе... Я ведь уже извинился... Ладно, простите, что прервал.

Взяв с полки большую игрушку, Марсель направился к продавцу. Он открыл дверь, звякнул звонок, и они слышали приветствие человека за стойкой.

Лена, до этого хранившая молчание — вернее, ей пришлось помолчать во время этого разговора, — задала вопрос:

— А о ком вы говорили?

Нина и Юджин. Она еще не слышала эти имена.

— Друг с нашего потока из специальной офицерской академии... и его младшая сестра... Эрнест настоял в свое время, чтобы все члены отряда «Остриё копья» поступили в разные академии, и я повстречал его в своей.

Думая об этом, Лена вспомнила, что у Шина, Райдена, Крены и остальных всегда имелись знакомые на основной базе и в нескольких других в Союзе. Некоторые были одногодками, а другие старшие унтер-офицеры — и те, и другие благодарили их за спасение жизней. Лена не знала этих людей.

— Юджин погиб прямо перед крупномасштабным наступлением. Марсель, похоже, знал его хорошо еще до учебы, поэтому знает и про Нину, его сестру. Я с ней как-то раз виделся.

— ...

Эту историю она не слышала, и о людях в ней тоже. Задумавшись об этом, ей стал болезненно очевиден тот факт, что прошло уже два года с отправки Шина на специальную разведывательную миссию и присоединения к Союзу. Два года он жил в этой стране. Два года опыта и человеческих отношений.

Не только с Гретой и Марселем. Он сформировал узы с людьми, которых Лена не знала... Даже за пределами поля брани восемьдесят шестого сектора он жил своей жизнью.

Жизнь в Союзе... Жизнь без Лены.

И вновь по какой-то причине... ее накрыло тонкое покрывало одиночества.

□

— ...Зачем приходить сюда лично? Ты же начальник штаба.

— Ты правда задаешься этим вопросом, Грета? Это ты сообщила о визите офицера Республики, при этом не проинформировав о нем заранее.

Грета уставилась на начальника штаба Виллема Эренфрида — тот беззаботно сидел на диване со слабой улыбкой на лице. Один из номеров отеля был в спешке подготовлен для него.

— Если помнишь, именно я организовал этот тур. Дерзкая беловолоска лишь добавит ненужный стресс «восемьдесят шесть». И вот он я, выдавая добродушное беспокойство и пребываю сюда для проверки.

В ответ на его слова Грета дернула бровью. Один или два гражданина Республики ничуть не заботят «восемьдесят шесть», и Виллем прекрасно это понял еще в операции в Подземном лабиринте Шарите. Лена была единственной, кого подобное сильно волновало.

— Так это твоя официальная версия.

— Этот номер чист. Можешь говорить свободно.

Другими словами, даже если они находились в одном из зданий другой страны, им не нужно лишний раз беспокоиться.

— Уверен, ты сама знаешь, но ваше присутствие в этом месте является конфиденциальной информацией. В нее входит и местонахождение полковника Миризе, — сказал Виллем.

Текущее состояние группы и ее действия сохранялись в секрете. Посторонний просто не мог знать об отпуске для 1-ой бронетанковой дивизии ударной группы «восемьдесят шесть» и о том, сколько он продлится. Не говоря уже про сам факт пребывания в Альянсе.

Другими словами... Грета прищурилась.

Подполковник наведлся к Лене согласно информации, к которой у него не должно быть доступа. Как и Легион, который продолжал выстраивать засады и атаковать ударную группу, несмотря на секретность.

— Визит подполковника подтверждает наличие у него доступа к слитой информации, — подвела итог Грета.

— И он беспечно раскрыл себя и тех, кто за ним. Ну, оно и неудивительно. Истинные солдаты Республики погибли десять лет назад, стоя стеной за свою страну. А эти же люди – неопытные новички.

Виллем пожал плечами.

Помощника, который вечно присутствовал с ним подобно тени, в номере не было.

— Хорошо, что капитан Ноузен прогнал его. Он ушел буквально в тот же день... Только если проследуем за ним достаточно быстро, сможем отловить его до прибытия на родину. Все же до Республики отсюда далековато.

†

— Ну вот, разговоры ничуть не помогли. Я совсем не понимаю, чего эта королева хочет.

Аннет выказывала то же самое раздражение, которое офицеры повторяли из раза в раз на протяжении двух недель; Шин, сидящий напротив нее, поднял на нее взгляд. Они находились в одном из залов на подземной базе, где проводился допрос.

Присутствовали также Вик с Леной, и оба одинаковы растеряны.

— Сообщение «Найди меня» ведь значит, что она хотела что-то нам поведать, разве нет? Вот мы пришли, нашли и результатом стало молчание? Да к этому моменту мы уже могли вырвать ее центральный процессор, разобрать его и заглянуть в воспоминания. Как же бесит.

— Как бы странно это не звучало от меня, но ты несколько пугаешь, — сухо прокомментировал Вик.

— Но воспоминания все равно лежат не в зашифрованной части центрального процессора, а в нейронной сети. Даже нельзя с уверенностью сказать, удастся ли вытащить эти воспоминания, — горько заметила Аннет, проделав дыру в собственном предложении.

— Что насчет ее мамы?.. То есть, мы не можем доставить ее сюда и попытаться разговорить ее?
— ровным голосом произнесла Лена.

— Она прикована к постели в госпитале. — Вик качнул головой. — Малейшее движение может убить ее. Мы не можем использовать ее в качестве заложника.

— Вот... как.

— Лена, только не заставляй себя произносить то, что тебе совсем не идет, — обратилась к ней Аннет. — Я по твоему лицу вижу, как трудно тебе было предложить это.

Лена опустила плечи. Шин подавил вздох. Он точно знал, что она просто хотела быть полезной в этом разговоре, но не желал, чтобы она произносила столь жестокие слова, когда вина читалась на ее лице.

...К тому же в последнее время Лена вела себя странно. Сначала он думал, что это последствия встречи с Отбеливателем, но даже в городе на его попытки подбодрить ее, беспокойство никуда не пропадало.

— Ваше Высочество, а как вы думаете, почему королева не разговаривает? — переключилась Аннет на Вика.

— Сложно ответить на этот вопрос. Когда она еще была жива, я всего пару раз говорил с ней. То послание могло быть простой заманухой для Ноузена и меня...

Была еще вероятность, что Безжалостная королева – не Зелен, но они намеренно решили задвинуть эту мысль подальше. Потому что иначе бы ее поимка оказалась совершенно напрасной.

Вик нахмурился.

— Или, возможно, она действительно хочет поделиться информацией, только не с нами. Ее родиной была Империя, а Союз фактически уничтожил ее. Ну а если причина не в этом, то Зелен была солдатом. Ей не нравилась война.

— Но она ведь солдат...

Шин повел бровью.

— Тогда позволь спросить вот о чем, как у солдата: тебе нравится война?

«...А»

— Майор Биркенбаум правда была солдатом... Но стала она им только из ненависти к войне. Ее старший брат, также военный, расстался с жизнью в бою. Она как-то говорила, что именно его смерть послужила толчком к созданию Легиона... И хоть она выглядела холодной и отстраненной ото всех, ее лицо производило впечатление ведьмы, готовой проклясть мир.

Бросив взгляд на стоящую позади Лерче, он пожал плечами в самоуничижительной манере.

— Сама Зелен в то время тоже была близка к смерти, так что это, наверное, и вынудило ее действовать. Не могу себе даже представить, как она создает нечто вроде Легиона, не будучи помешанной на своей идее... Вот вы, к примеру, знаете причину, по которой ни один из летательных аппаратов Легиона не имеет вооружение? Этот запрет проистекал не из проблемы распознавания системы «свой-чужой», скажу я вам. Зелен просто всей душой ненавидела вооруженные самолеты. Ее старший брат погиб из-за случайного дружественного огня другого летательного аппарата.

Она, вероятно, подумала, что не следует ничего доверять вооруженным самолетам или пилотирующим их людям. И ее ненависть к войне, скорее всего, также связана с погибшей семьей... и тем фактом, что она подорвала ее собственную жизнь.

— ...Если ей была так ненавистна война, зачем создавать Легион?

— Самому бы знать, но я далек от понимания... Желание уничтожить что-то из ненависти — не самое умное решение, но его почему-то частенько принимают.

Она хотела уничтожить мир и затем прокляла — совсем как ведьма.

— Вот и все, что я о ней знаю... Но, может, ты какую подсказку получил, Ноузен? Знаешь, твой отец знал Зелен гораздо лучше меня.

— Нет... Вряд ли я с ней хоть когда-то пересекался.

— Нет, значит нет... — жалобно пробормотал Вик.

Аннет преувеличенно пожала плечами, словно пытаясь переменить настроение.

— А вот тебе и пища для размышлений. Произойди все несколько иначе, и вы бы стали друзьями детства... И еще это связано со мной, если так подумать... Да уж, жуть какая...

— Кстати, насчет друзей... Ноузен, что там с Файдом? Мне показалось странным, когда я услышал о разработке «дрона» Республикой, но разве этот проект действительно был завершен?

Между ними повисла странная тишина.

— ...Файд? — вопросительно повторил Шин.

Он склонил голову, словно гадал, почему Вик заинтересовался им.

— Ты не помнишь, что ли? Это был прототип модели искусственного интеллекта, который разрабатывал твой отец. Я припоминаю, как он жаловался на младшего сына... тебя, то есть... что ты назвал его Файдом и не соглашался менять имя.

Не падальщик, а какой-то другой Файд. Тем не менее... к сожалению, Шин ничего такого не помнил. У него было чувство, словно что-то такое действительно имело место, но оно настолько слабо, что даже имени вспомнить не мог. Может, и правда Файд, подумал он. Следом Аннет простонала:

— Ух, ты не про того странного робота-собаку? Насколько помню, отец Шина назвал его... Прототипом 008... Так, стоять, — внезапно резко сказала Аннет, переведя полуоткрытые глаза на Шина. — Ты дал падальщику то же имя? Да ты у нас все еще не избавился от своего дурного вкуса в выборе имен, а? Ты в этом даже с Леной можешь посоревноваться.

— Если ты о Фипи, то мне не нравится твое сравнение.

— Жестокие вы, — пробормотала Лена.

Шин и Аннет тактически ее проигнорировали.

— Я, вообще-то, гораздо лучше выбираю имена, нежели ты в своем восемьдесят шестом секторе, — сказала Аннет. — Небось, еще Ремарком его хотел обозвать? Ты пытаешься казаться циничным, но делаешь это такими окольными путями, что никакого смысла в этом нет.

— Можешь говорить, что хочешь, Рита, но с какой стати ты тогда внезапно принялась растить цыплят? Это же просто курицы, однако по какой-то причине они гонялись за тобой как петухи.

— Что, и ты это странным находишь? Куры милахи. И до крупномасштабного наступления мне очень нравились яйца.

— ...О.

— Что с лицом твоим?! Теперь я лучше в готовке, чем тогда! А, и еще, я совсем не забыла тот случай, когда испекла тебе печенюшки, а ты задал вопрос, не монстры ли это!

— ...Для печенья они были слишком угольно-черными и имели по три глаза.

— Вот как?! Ну, ты хотя бы опознал в них печенье! Не то чтобы тебе удалось распознать еду, будь они совсем черными!!! Не мог же?! Придурок! Идиот! Болван!

— ...Кхем! — громко прервала их спор Лена.

В какой-то момент они погрязли в мелком споре, случавшимся постоянно в детстве, но ее восклицание пробудило их. Шин от внезапно нахлынувшей вины осознал, что никогда не называл Аннет Ритой в присутствии Лены.

— Так что там с... Прототипом 008, Аннет?

— ...После они забрали Шина и его семью в лагеря для интернированных, и мне так и не

удалось найти его.

Тогда она предположила, что он сломался. Может, разбой или просто во время бессердечных игр.

— Значит, все зря... Жаль.

Вик качнул головой, наполовину разочарованный, наполовину развеселый. Аннет вопросительно посмотрела на него.

— Этот ИИ отличался от Сиринов и Легиона. Его разрабатывали с единственной целью – стать одомашненным компаньоном. Если приказать тому атаковать во имя защиты, он сделает это. Легион – не люди. Они не могут исполнить желание стать верными друзьями для человечества. И исполнить долг по защите людей, да и найти место для нас могли только те... кто видел в нас друзей.

— Говоришь... — произнесла Аннет с широко распахнутыми глазами от шока, — ...мы сами вырыли себе могилы?..

— Аннет? О чем ты?.. — спросила Лена.

— То, о чем и говорю! Если бы отцу Шина хватило времени для завершения проекта Файд... Если бы «восемьдесят шесть» не подвергли гонениям, Республика бы действительно участвовала в войне без потерь!

«А...»

Лена почувствовала, как кровь застыла в жилах.

Республика «внедрила» процессоры — они представили их в виде обрабатывающего устройства — в дроны, потому что не смогли разработать ИИ для ведения полноценной автономной войны. Не лишив человеческих прав «восемьдесят шесть» и не сослав их на поле брани, они бы не смогли выстроить оборонительный фронт.

Но будь Файд завершен... Будь искусственный интеллект достаточно функционален для автономных сражений...

— Мы говорим, что сделали это из-за необходимости. Мы закрыли глаза на несправедливость, прекрасно осознавая тяжкий грех. Мы позволили миллионам погибнуть, и в результате деяния раскрылись остальным, что привело к осуждению. Но, оказывается, гонения и не требовались вовсе. Поступи мы правильно, никто бы не погиб: ни «восемьдесят шесть», ни граждане Республики... Так, что ли... получается?..

Аннет стиснула зубы на слова Лены. Шин молчал из беспокойства о том, что все сказанное дальше может звучать как обвинение.

Все случилось по вине Республики. В этом не были замешаны Аннет или Лена.

Но для них это так не казалось.

— Что это за жестокая ирония?!..

□

В отеле все гостевые номера были двухместными. Райден находился в одном с Шином. Последний ушел на встречу касательно Безжалостной королевы, но вернулся немного раньше запланированного — прямо к моменту, когда Райден налил себе кружку кофе из чайника.

— О, с возвращением.

— Ага, спасибо, — сказал Шин, принимая протянутую кружку. Затем он довольно сощурился.
— Знаешь, Куджо и Дайя постоянно называли тебя мамочкой отряда.

— Да?.. Тогда давай кружку обратно, положу в нее парочку ложек горчицы.

— У тебя есть горчица? Да ты и правда мамочка, что ли?

— Че?

Двое поборолись за кружку, но осторожно, чтобы ни одна капля кофе не пролилась.

— ...Ты чего, кстати, задумал в такую рань? До ужина еще много времени, — спросил Шин.

— Я решил простирать одежду перед вечеринкой в последний день... Тебе бы тоже этим заняться. Разве хочешь пойти в грязном и мятом?

— Хорошо, мамочка...

— Ой, иди ты.

Покончив с кофе, эти двое еще какое-то время подкалывали друг друга. Шин легко чувствовал себя в шутовском спарринге, от чего Райдена это совсем не радовало.

— ...Кстати, а ты, смотрю, совсем избавился от атмосферы Бога Смерти.

Шин ответил озадаченным взглядом. Райден же, сидя на кровати, скрестил ноги и подпер подбородок рукой.

— Особенно это заметно при Лене. Ты называл ее Куратор Один, но сейчас обращаешься по имени. Когда-то ты сказал ей, что уходишь, а затем выказал желание показать ей море... Сомневаюсь, что Бог Смерти восточного фронта вообще способен на это... О, точно, — Райден усмехнулся, — ...и не пользуйся своим допросом в качестве предлога для побега. Просто выложи ей уже наконец.

— ...Заткнись.

— А если для этого тебе нужно определенное настроение, то мы поможем. Как насчет местечка с восхитительным ночным видом?.. Думаю, последний день будет самым подходящим моментом.

— Сказал же, заткнись... Я еще тогда хотел сказать ей, но Марсель прервал.

— Все равно ты должен все сделать так, чтобы ее осчастливить. Даже такой тупоголовый как ты понимает это, верно?

— ...

Шин не ответил, и Райден понял, что заигрался с огнем, поэтому он также утих. Шин... явно был рассержен. Он словно беззаботный ребенок, у которого не было необходимости сдерживать эмоции.

— ...И еще твое лицо теперь способно на такое выражение, — прошептал Райден так, чтобы его не слышали.

Он осторожно взглянул на Шина.

— Что? — сердито спросил он.

— Да нет, ничего.

«Я только подумал, что ты по-настоящему изменился.»

Райден прогнал того из номера словами о том, что купальни еще открыты, так что ему нужно сходить да умыться. Подозрительно прищурившись, Шин все же ушел.

Райден смотрел на закрывающуюся дверь и погрузился в собственные мысли. Когда они впервые встретились, он словно воочию увидел мрачного Бога Смерти, занявшего тело мальчика. Выражение лица, взгляд, сердцебиение... тогда все чувства застыли. Рассыпались в пыль. Откололись.

Но теперь тот же юноша научился искренне улыбаться. Более того, он часто смеялся. И произошло это после встречи с добросердечной плаксой Куратором.

— ...Ну, не все так плохо, да?

Страна, которая должна быть их родиной, приказала ему умереть. Любимый брат практически убил его. На поле боя царствовал Легион, и он раз за разом терял своих товарищей. Пережив все невзгоды и еще больше, в нем осталось лишь мертвое, холодное сердце Бога Смерти.

Злоба человечества и жестокость мира сделали Шина таким.

Но в конце он понял, что искать спасение все же нормально. Нормально мечтать. Внутри себя он нашел нечто столь маленькое, что еще можно было бы назвать надеждой. Что эта зловонная срань мира не окончательно безнадежна.

Впервые Бог Смерти имел что-то, ради чего стоило жить.

Это прозвище прицепилось к нему подобно проклятию. Оно сковывало его... и из-за этого он топтался на месте. Окончательно расправиться с призраком брата было для него одновременно проклятием и благодатью — цель, благодаря которой он стремился вперед.

Нести своих товарищей до самого конца. Эта роль поддерживала Шина и не давала ему рухнуть. Она несла его, и он делал шаг, затем другой и так до конца.

И до сих пор... он спасал их и поддерживал.

— Ты спасал нас множество раз... Настало время для тебя жить своей жизнью, парень.

□

На пути в купальни Шин пересекся с болтающей группой процессоров, не участвовавших в испытании, вместе с Оливией. Увидев длинные черные волосы, похожие на хвост, Шин подумал о Фипи — черном котенке, в свое время подобранном Дайей. Только лапки у него были белыми, словно носочки.

Тогда они не давали ему имени и называли первым пришедшим словом на ум. И, опять же, в то время они считали Лену лишь безответственным, ленивым Куратором скота, живущей в

безопасности за стенами.

Когда он решил навсегда попрощаться с ней?.. Почему решил доверить ей то желание? Почему он так в нее поверил?

Внезапно глаза Шина широко распахнулись.

□

— Капитан Ноузен. Мы сейчас рассматриваем вопрос о полной разборке. Этот вариант кажется наиболее верным, учитывая ее несговорчивость. Может, если дадим ей познать наши намерения, то это поможет занять козырь...

— Нет, — резко прервал Шин начальника отдела разведки.

Смысла в этом все равно не было. Легион не страшился смерти и, соответственно, угрозы на него не действовали.

— Забудьте, начальник отдела... Позвольте мне войти в камеру для допроса.

Запрос Шина лишил дара речи всех присутствующих.

— Что ты... — рефлекторно начала говорить Лена, но взгляд Шина оборвал ее.

В его взгляде читалось, что он не собирается поступать необдуманно. Он не выглядел как раньше, когда его мало заботила собственная жизнь. Начальник отдела обменялся взглядами с остальными ответственными людьми — одним в фиолетовой форме и другим в форме оливкового цвета, — а затем согласился.

— Проверьте ремни. И подготовьте пулеметы на экстренный случай. Как думаете, капитан, каковы ваши шансы разговорить ее?

— Безжалостная королева раскрыла себя передо мной в горе Драконий клык. Она не пыталась убить меня и даже повела за собой Райдена и остальных. Так что если моя догадка верна...

Двойные двери в камеру для допросов — она была заперта на укрепленные болты — открылись.

— Оставьте парарейд включенным... — произнес начальник отдела. — И не подходите слишком близко. Когда мы поймем, что она представляет опасность, тут же ее уложим.

В камеру вел длинный коридор, стены которого были сделаны из толстых слоев металла. Шин

прошел через дверь, ведущую в другой мир. Затем дверь позади закрылась, и открылась последняя. Он стоял на перепутье между коридором и камерой для допросов, где менялся материал пола, как бы обозначая черту.

Безжалостная королева заметила его присутствие и пошевелилась, словно насекомое, — она пыталась подняться на ноги. Но ремни сделать ей этого не дали. Подобные действия на одних инстинктах напоминали чисто механическую реакцию.

Ведь Легион в первую очередь истреблял все, что стояло перед ним. Будь то люди, города, страны или армии, машины не проводили никаких различий и моментально втапывали врага. Просто на инстинктах. Это как наземная мина — ее мало заботила личность, которая задела триггер. Они были лишь оружием, истребляющим без разбора.

Но в противовес этому впечатлению, Безжалостная королева пробралась к озеру магмы и не предприняла попыток к его убийству. Она подбиралась ближе, но словно игралась с ним. Или, может, оценивала его. Конечно, был еще шанс того, что при повторении этой же сцены все пошло бы иначе. Не пойдя за ней Райден и остальные, и тогда никто бы не остановил бы ее. Конец мог быть совершенно другим.

— Я знаю, ты слышишь мой голос, Королева Легиона.

Шин с горечью понял, как неудобно не иметь имени, с помощью которого можно было бы обратиться к ней. Он не мог назвать ее Зелен, потому что если это была не она, то королева могла попытаться выдать себя за нее. «Безжалостная королева» тоже не подходило. Шина раздражал тот факт, что ему оставалось только самому выдумывать прозвище.

Возвращаясь в восемьдесят шестой сектор, он видел в именах лишь буквы, используемые для обозначения. И он всегда ненавидел собственное имя, ведь звучало оно так близко к слову «грех»...

Два года назад он не назвался Лене, пока та сама этого не попросила. Теперь же он задался вопросом, как можно было вести такую жизнь.

— Ты ведь меня позвала, разве нет? «Найди меня», звучало твое послание. Ну вот, я нашел. Если хочешь высказаться — давай, я слушаю. Прямо здесь и сейчас. Не ответишь, я уйду.

Трудно было сказать, что они находились в одной камере, ведь разделяло их около десяти метров. Но лунный оптический сенсор Безжалостной королевы так и уставился на него, а Шину показалось, будто он увидел во взгляде немного паники.

Он чувствовал ее на протяжении семи лет. Механическая жажда крови монстра. Он ощущал, как она просачивалась через броню Муравья. Ограничения трещали.

Два года назад он доверился Лене — девушке за стеной, с которой он никогда не виделся. Он смог довериться ей, потому что захотел узнать получше. Поговорить с ней, выслушать... Ведь это позволило бы им получше узнать друг о друге.

Без разговора они никогда не смогли бы сблизиться. Без знаний о чем-то или о ком-то доверие возникнуть не сможет. Вот почему он решил сделать это в одностороннем порядке.

Скрежет ограничений затих. Белая броня слегка приподнялась, и из нее начало просачиваться слабое серебряное свечение. Жидкие микромашины. Покопавшись в памяти, Шин припомнил Феникса, единственный тип машин Легиона, способного обращаться в бабочек.

Но была и еще одна машина в его воспоминаниях, использовавшая похожий метод. Его брат... Динозавр, пастух. От него протягивались «руки». Эти руки нежно тянулись к нему в самом конце... Руки, как у человека, могли одним движением придушить, но в то же время проявить заботу.

— Я ничего не знаю о тебе. Не знаю, зачем ты позвала меня, и почему молчишь сейчас. Я бы хотел услышать твои ответы.

Жидкие микромашины продолжали сыпаться наружу. Но когда Шин стал опасаться, что они примут физическую форму...

□

<<Покиньте камеру. Советую эвакуироваться в камеру наблюдения.>>

□

Звук напоминал какую-то старую запись. Или некое существо — не человек, — которое пытается говорить человеческим языком. Чисто механический голос было довольно тяжело разобрать.

Голос исходил от информационного терминала, установленного в переговорной камере для связи. Он активировался без прикосновений, раскрыв голографический экран, — его полностью залил статический шум. Громкость и интенсивность статики формировали человеческие слова.

Шин через синхронизацию по рейд-устройству, закрепленному на воротнике формы, услышал удивление в камере для наблюдений. И он точно не мог сказать, что это потрясение необоснованно. За всю историю это был, вероятно, первый диалог между людьми и Легионом.

Он также услышал бормотание Вика о том, что ее ужасает сама мысль убийства Шина, пусть даже по чистой случайности.

<<По завершении эвакуации будут даны ответы. Эвакуируйтесь в камеру наблюдения. Это предупреждение.>>

Пастухи ассимилировали нейронные сети людей, но нельзя было точно сказать, какая часть человеческого сознания или эмоций передались. Но в это мгновение Шин подумал, что знает.

Негодование и гнев Безжалостной королевы.

<<Решимость провести допрос под угрозой смерти признана. Однако любые дальнейшие попытки приведут к строгому отказу. Запомни.>>

□

Лена ошеломленно наблюдала за сценой. Он не открылся с целью умереть. Лена это понимала. Практически не существовало отчетов по выливающимся жидким микромашинам Легиона, действующим независимо. Об этом никто не знал: ни Республика, ни Союз, ни Объединенное королевство, ни Альянс или любая другая малая страна.

Разве что за исключением особенных случаев, например, Динозавр — Рей, — о котором сообщили Шин, Райден и остальные. Этой способностью, очевидно, владели не все пастухи. Была еще вероятность, что ею могли пользоваться лишь запрограммированные для этого машины, вроде Феникса.

А они, в свою очередь, совсем не опасались атаки с использованием жидких микромашин. Хотя, возможно, Безжалостная королева случайно открыла такую возможность. И все же микромашины были не вооружением, а компонентом системы управления.

Скорость Шина несопоставима с абсурдной скоростью Легиона. Он также не мог видеть, что скрывается за светом жидких микромашин, и все же оставался бдительным. Он говорил с ней, в то же время внимательно наблюдая за ситуацией, готовый уйти в нужный момент. Кроме того, до серебряного свечения он так и не сделал ни единого шага вперед, и потому мог быстро двинуться к концу коридора, если потребуется.

Шин рискнул выйти для разговора, но не бросал себя на произвол. Он сделал это ради желанного будущего... в попытке схватить его.

И вот что по-настоящему ошеломило Лену. Она наконец поняла. Он... изменился.

□

Когда Шин вернулся в камеру наблюдения, руки из жидких микромашин выскользнули из брони Безжалостной королевы, будто не имея возможности больше сдерживаться. Они не вытягивались до стен, но их длина компенсировалась количеством.

Напряжение Шина несколько спало. Быть может, вот почему на поверхность всплыли воспоминания о душащих его руках брата — не только о тех, что использовал пастух, но и настоящих, — что вселило в него леденящий ужас. На мгновение его лицо побледнело.

— Ты в порядке, Ноузен? — спросил Вик при виде изменения в настрое.

— Ага... в полном. Просто вспомнилось всякое.

Вик, возможно, уже догадался, что Шин настрадался либо от рук, либо от пастуха.

— Ты стоял перед ней с пониманием того, что она может разбередить старые раны. И ты заставил себя поговорить с ней... Хотя сам утверждал, что с мертвецами невозможно вести разговор.

— Я все еще так думаю, даже после этого...

Живые уже никогда не смогут пересечься с мертвыми. Таков закон природы. Как бы кто не хотел пообщаться с другой стороной, этот мир действовал и будет действовать холодно и неизменно.

Но в конце специальной разведывательной миссии, когда в глубинах территорий Легиона он проиграл... Брат вроде как спас его. Это не был разговор, но их голоса достигли друг друга.

Шин слышал призраков и, быть может, та сторона также слышала его. Только что, если общение с призраками было на самом деле возможным... просто они передавали мысли не тем образом, который мог понять Шин?

Живые уже никогда не смогут пересечься с мертвыми. Но, может, те из призраков, что все еще находились на границе между жизнью и смертью, что еще не пересекли реку Лёта*, могли достучаться до того, кто привязан к далекому берегу.

[П/П: В древнегреческой мифологии эта река «забвения» в подземном царстве Аида. Умершие испивали из нее и забывали свое прошлое. Считается, что окончательно умершим человеком числится как раз тот, кто испил из реки.]

Эта теория слегка пугала Шина, но больше убегать от нее он не собирался.

— Я просто хотел сделать все, что от меня зависит... Если удастся заполучить хоть крохи информации, может, это еще на шаг приблизит нас к окончанию войны.

Вик на эти слова ответил улыбкой.

— Хочешь показать ей море, хм-м? Вот как, понятно. Значит, ты не пожалеешь для этого никаких усилий.

— Откуда ты знаешь об этом?..

— А с чего ты взял, что не знаю?.. Но ладно, просто забудь.

Убедившись, что Шин пришел в норму, Вик повернулся к Безжалостной королеве.

— Этими «руками» обладают все машины Легиона, ассимилировавшие нейронные сети погибших?

Микрофон, конечно же, был включен, а окно настроено на прозрачность. Но королева не ответила. Вик взглядом обратился к Шину, и тот повторил вопрос. Теперь последовал ответ.

<<Только те, кто в свои последние мгновения простирает руки в безумном отчаянии.>>

«То же самое и со стенаниями Легиона», — подумал Шин.

Их мозг воспроизводил этот плач. Разум формировал последние слова, вновь и вновь воссоздавая эмоции в момент пребывания на грани смерти. Желания не пропадут даже с исчезнувшим телом, вместо этого проявятся в виде тянущихся рук.

Неуверенные, слышит ли она только Шина или сознательно отвечает лишь на его вопросы, офицеры разведки шепотом переговаривались между собой так, чтобы микрофон не улавливал их разговор. Начальник отдела велел принять меры против вооружения, появлявшегося из брони.

<<Ответ был дан на один вопрос. Взамен, Блгрх-пш.>>

Последнее слово было не разобрать. Как если бы язык машины пытался воспроизвести человеческий. Но терминал смог уловить сказанное.

Балейг.

Позывной Шина со стороны Легиона.

<<Назовись.>>

Шин скосил глаза на штаб разведки, когда один из офицеров кивнул.

— Шин'эй Ноузен.

Он не назвал свое звание или какую другую информацию. Камера была защищена от электромагнитных помех. Даже если поденкам как-то удастся проникнуть внутрь и стать ретранслятором, Безжалостная королева все равно не сможет передать информацию Легиону. Но Шин решил оставаться бдительным.

Безжалостная королева ответила не сразу.

<<Ноузен. Ноузен. Потомок завоевателей. Дитя Эбонитового генерала Империи. Запрос — назови причину предательства Ноузена родины и бегства в армию Союза. Потому что ты красноглазый? Дай ответ.>>

Красноглазый. Пренебрежительное обращение чистокровных Ониксов, используемое по отношению к детям смешанных с родословной Пиропов кровей. Услышав слова Безжалостной королевы, те офицеры разведки, что принадлежали к Пиропам, обозлились. Но Шин родился в Республике и вырос в восемьдесят шестом секторе, поэтому для него это не считалось оскорблением.

— Я не из Империи.

<<Значит, «восемьдесят шесть».>>

— ...Откуда тебе знать?

Будь это Зелен Биркенбаум, она не могла знать про «восемьдесят шесть». Это пренебрежительное обращение не существовало при ее жизни.

<<Потому что они слабы. Потому что они хрупки. Потому что Республика выслала низшую расу. Поймать их — легко. Получить информацию от них — легко.>>

У них имелась возможность вытягивать информацию из схваченного мозга. Нет... Даже пастухи не могли сопротивляться воле Легиона и, возможно, приоритетным директивам, посланным верховными командующими. Вполне возможно, что разговор между ним и Безжалостной королевой происходил из-за обрыва с сетью Легиона.

— И как тебя зовут?

Он примерно понял, по какому принципу она действует. Она задала вопрос — он ответил. Значит, теперь его черед. Тогда он стал думать, с чего бы начать.

По какой-то причине из-за последовавшего вопроса тело Королевы слегка наклонилось. То ли

от замешательства, то ли от разочарования из-за неудавшейся провокации.

<<Предположительно эта информация уже известна.>>

— Я ответил на твой вопрос... Теперь отвечай ты.

Безжалостная королева перевела взгляд на Вика, стоявшего рядом с Шином.

<<Согласие. Правда, излишнее. Подтвердит Безобидная старая гадюка.>>

Вик на мгновение скорчил мину, а затем тяжело вздохнул.

— Так это и правда ты, Зелен.

<<Положительный ответ.>>

Безжалостная королева, Зелен Биркенбаум, легонько кивнула. Высокомерно. С жестокостью снежно-белой луны... с безжалостностью, под стать ее прозвищу.

<<Меня зовут... звали при жизни... Зелен Биркенбаум. Майор. Исследователь. Работала в исследовательском институте Империи.>>

В своей фразе она дополнительно добавила, что так ее звали при жизни. А значит, она уже не была человеком.

□

Лена выскользнула из шумной, оживленной камеры для допросов в коридор, чтобы сбежать от шума. Затем она остановилась и посмотрела вверх. Поскольку база находилась под землей, естественно, сверху ее не ждало небо. Она видела лишь холодный, искусственный потолок серого цвета.

Шин действительно изменился. Столкнувшись с подполковником Республики, он выказал стойкое презрение к оскорблениям. Он выстраивал новые связи с потерянной семьей и людьми на его стороне и старался поддерживать узы. Аннет он стал называть Ритой. Помаленьку он вновь начал испытывать счастье, расколотое на мелкие куски и спрятанное где-то в глубинах воспоминаний.

Он прекрасно ведал об этом мире — холодном и безразличном. Ему уже нечего было ожидать от него... Но теперь он смотрел в будущее и пытался исполнить свои мечты.

И Лена понимала, что на самом деле это просто отлично. Она искренне радовалась за него, но... в то же время чувствовала себя одиноко, словно ее оставили позади. Из сердца поднималось тревожное ощущение, что земля вот-вот уйдет из-под ее ног.

Она считала, что он слаб... но правда иная — он сильный человек. Имея столько уязвимых мест, не видя света в конце, он все еще находил в себе силы идти вперед... и тянуться руками за свое желание.

А это значит, что рано или поздно настанет время, когда Шин не будет нуждаться в ней. От этой мысли ее охватил давящий ужас. Не сейчас, но однажды этот момент настанет. Момент осознания, что тот человек, которому он хочет показать море... не обязательно должна быть Лена.

Все стало не так, как раньше. Два года назад Шин был заперт в восемьдесят шестом секторе. Ему было предначертано умереть через шесть месяцев, а рядом с ним находились другие «восемьдесят шесть», что разделяли с ним эту судьбу. Он попросил только Лену не забывать о нем. Но не из-за того, что она якобы была особенной. Просто она оказалась тем, кто продолжит жить дальше по мнению Шина.

Теперь же все иначе. Он пережил восемьдесят шестой сектор и освободился от оков смерти. С ним рядом шли Райден и остальные. Он прожил в Союзе два года, формируя узы с другими людьми, кто не оставит его.

Лена же перестала быть той единственной.

Но о ней то же самое сказать было уже нельзя. Она зашла так далеко только потому, что Шин попросил обязательно настичь их. Она сражалась, следуя за его тенью. Без него она не смогла бы сражаться. Не полагайся он на нее... она бы не смогла делать вид, что сильна.

Она хотела, чтобы он полагался на нее. Она отчаянно цеплялась за роль быть той, кто нужен ему, той, кого он попросит не оставлять. Она хотела поддержать его, направить... и продолжить действовать как святая для него, даже будь это ложь.

«У меня есть только гордость сражения на его стороне. Моя драгоценная роль заключается в его поддержке. Если я потеряю ее... если Шин покинет меня... я не смогу идти дальше... И когда это произойдет, я не смогу сделать то же самое... Мне будет не позволено цепляться за него и умолять не оставлять...»

Но покуда Лена была частью ударной группы, она подтверждала обоснованность «прогрессивной, гуманной системы обороны» Республики. Идеей, по которой для сражений граждане Республики не нужны. Это было поле брани восемьдесят шестого сектора без потерь.

Шин стер эту иллюзию, и Лена беспокоилась, что вновь пленит его узами. Она не может цепляться за него. Она не хотела причинять боль... быть бременем.

«Ведь я...

...белая свинья Республики...»

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1507446>